ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья
УДК 81-112
doi: 10.18522/2070-1403-2026-118-5-77-81

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ОТРЕЗОК «ГОД» КАК АКТУАЛИЗАТОР ДИСТОРСИЙНОГО ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

© Елизавета Николаевна Екимцова
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия
lizaekimtsova18@yandex.ru

Аннотация. Исследуется семантическая трансформация темпоральной величины «год» из объективного календарного интервала в субъективно значимый, эмоционально и событийно маркированный временной отрезок в русском языке. На основе анализа данных Национального корпуса русского языка (подкорпус художественная литература) проводится систематизация контекстов, в которых лексема год актуализирует расхождение между объективной длительностью и ее субъективным переживанием. Устанавливаются две возможные модели проявления дисторсии времени в языке – модель периода испытываемых чувств/эмоциональности и модель события «на грани свершения». Выявляются и описываются ведущие языковые средства, используемые для выражения приведенных моделей. Отбор данных для анализа в исследовании проводится в рамках синхронно-диахронного подхода, применение которого позволяет проследить изменения в репрезентации временной величины «год» в русской лингвокультуре различных хронологических периодов.

Ключевые слова: темпоральность, временной отрезок, субъективное восприятие времени, дисторсия времени, синхронно-диахронный анализ, языковая репрезентация времени, трансформация языковых единиц, лексема *год*.

Для цитирования: Екимцова Е.Н. Темпоральный отрезок «год» как актуализатор дисторсийного восприятия времени в русской лингвокультуре // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 118. № 5. С. 77-81. doi: 10.18522/2070-1403-2026-118-5-77-81

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

The temporal segment “year” as an actualizer of the distorted perception of time in Russian linguoculture

© Elizaveta N. Ekimtsova
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
lizaekimtsova18@yandex.ru

Abstract. The semantic transformation of the temporal value “year” from an objective calendar interval into a subjectively significant, emotionally and eventfully marked time period in the Russian language is investigated. Based on the analysis of data from the National Corpus of the Russian Language (subcorpus fiction), the systematization of contexts in which the lexeme year actualizes the discrepancy between objective duration and its subjective experience is carried out. Two possible models of the manifestation of time distortion in language are established – the model of the period of feelings/emotionality experienced and the model of the event "on the verge of collapse". The leading linguistic means used to express these models are identified and described. The selection of data for analysis in the study is carried out within the framework of a synchronous-diachronic approach, the application of which allows us to trace changes in the representation of the time value “year” in Russian linguistic culture of various chronological periods.

Key words: Keywords: temporality, time interval, subjective perception of time, time distortion, synchronous-diachronic analysis, linguistic representation of time, transformation of linguistic units, lexeme year.

For citation: Ekimtsova E.N. The temporal segment “year” as an actualizer of the distorted perception of time in Russian linguoculture. *The Humanities and Social Sciences.* 2026. Vol. 118. No 5. P. 77-81. doi: 10.18522/2070-1403-2026-118-5-77-81

Введение

Современные научные исследования ориентируются прежде всего на антропоцентрический подход, соответственно ученых различных областей знания интересуют особенности субъективного восприятия человеком тех или иных явлений, его «точка зрения». Подобные ориентиры прослеживаются и в лингвистике [3, с. 37]. Особое место в антропоориентированных исследованиях занимает проблема репрезентация в языке категории времени, которая является фундаментальной научной категорией, позволяющей оценивать язык с точки зрения человеческого опыта.

В философских науках время рассматривается как «категория, выражающая длительность существования материальных объектов, определенную последовательность событий реальной действительности» [5, с. 384]. В лингвистике широко распространен термин «темпоральность». Под темпоральностью понимается семантическая категория, которая отражает восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению либо к моменту речи говорящего, либо к какой-либо иной точке отсчета, при этом учитывается не только семантика и значение глагольных форм, но и микро- и макроконтекст высказывания [6, с. 241]. По мнению М.Ш. Алдиевой, время – это концепт, который помогает нам записать относительность событий. Он не только фиксирует последовательность событий, но и актуализирует восприятие длительности, скорости, темпорального ритма субъектом [1, с. 57].

В языке время является не только абстрактной длительностью, но единицей измерения, оценки и субъективного переживания момента. Как отмечает П.П. Гайденко, представление о времени – неотъемлемый компонент представления человека о мире в целом. В ходе исторического процесса оно изменяется, обрастает целым комплексом понятий, образов, становится важнейшим моментом мировоззрения эпохи, ее культуры. В различных исторических условиях меняется не только представление о времени, но и ощущение его длительности [2, с. 88].

Обсуждение

Восприятие человеком времени не ограничивается исключительно объективными показателями. Зачастую под влиянием различных факторов время может ощущаться субъектом как более продолжительный или, напротив, менее длительный промежуток. Приведенное явление было подробно описано в психологии и получило название *дисторсия времени (англ. time perception distortion*), в частности, данный термин используется для описания ситуаций, когда субъективная оценка времени отличается от объективной. Д.Г. Элькин в своих работах утверждает, что субъективная оценка времени может зависеть от различных факторов, включая текущее психофизиологическое состояние индивида, особенности производимой деятельности, эмоционально-волевые характеристики субъекта, а также индивидуально-типологические особенности, такие как темперамент, система ценностей, мотивы и т.д. [7, с. 37]. Мы считаем, что в языке дисторсия времени проявляется прежде всего в отражении в семантике единиц различной субъективной оценки объективных темпоральных отрезков. Таким образом, время в языке является сложным семиотическим конструктом, фиксирующим как объективные параметры длительности, так и оценку проживаемого момента субъектом.

Любые представления о временной продолжительности, скорости или ритме происходящих событий подразумевают наличие единиц измерения. В данном случае речь идет о темпоральных единицах, служащих для передачи длительности и событийной наполненности временного отрезка. Одной из таких единиц является лексема ***год***, выступающая универсальной единицей индивидуального и исторического времени. В языке, в зависимости от контекста, она способна актуализировать как объективный временной показатель, так и субъективно оцениваемую темпоральную величину.

В данной статье мы рассмотрим особенности выражения субъективного временного показателя единицы ***год*** на примере контекстов, в которых она номинирует период испытываемых чувств и события на грани свершения, а также выделим ведущие языковые средства данной дисторсийной модели. Наше исследование строится на синхронно-диахронном подходе,

который позволяет выявить динамику в репрезентации темпоральной величины ***год*** в рамках трех хронологических срезов (XIX, XX и XXI вв.). Материалом исследования является Национальный корпус русского языка (подкорпус художественной литературы) [4].

Итак, обратимся к примерам субъективного выражения языковой единицы ***год***, в которых она номинирует период испытываемых чувств / эмоциональной событийности:

XIX в.: *В этот ужасный, роковой **год** несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью* [А.И. Куприн. Чудесный доктор (1897)]; ***Год** страданий, даже в быту деревенском, скорее научит познавать движения сердца, нежели двадцать лет покойной, счастливой жизни в кругу семейства и немногих соседей, также покойных, также счастливых* [В.Т. Нарежный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)]; *В сущности мне надо было почти **год** времени для этого, и это был самый трудный **год** моей жизни* [Ф.М. Достоевский. Записки из Мертвого дома (1862)]; XX век: *Когда-то в первый послевоенный голодный **год** автор этих строк приобретал в ремесленном училище профессию краснодеревщика* [Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)]; *Это был хороший, удачный **год**. Цех, где работал Евдоким, занял на заводе первое место* [В.Ф. Панова. Евдокия (1944-1959)]; *Наверно, то был лучший **год** всей ее жизни, **год** расцвета* [Ю.В. Трифонов. Другая жизнь (1975)]; XXI век: *Сколько схоронил – не считал. Страшный **год** этот назвал Годом Голодных. Думал, что не может быть ничего страшнее* [Гузель Яхина. Дети мои (2018)]; *И самая крайняя жестокость, что даже плохой **год** непременно кончается* [Анатолий Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича // «Звезда», 2001]; *Самым сложным был первый **год** скитаний и* одиночества [Виктор Доценко. Тридцатого уничтожить! (2000)].

Как свидетельствуют приведенные и аналогичные примеры, в фактическом материале XIX века ***год*** осмысливается как этическая и даже метафизическая величина, мера нравственного опыта. В фактическом материале XX в. ***год*** становится не просто личным, а коллективно-травматическим периодом, добавляется социально-историческая картина мира, появляются различные маркеры эпохи. В фактическом материале XXI в. ***год*** воспринимается не как временной интервал, а как пережитый опыт, контексты становятся более «бытовыми».

В рамках данных случаев дисторсии восприятия времени представлены контексты, в которых лексема ***год*** передает состояние субъекта в тот момент, когда он испытывает какие-либо чувства, вызванные определенными событиями; ***год*** перестает быть астрономической или календарной единицей, а указывает на эмоционально-событийный опыт. Стоит отметить, что в приведенных контекстах ***год*** не определяется через точную длительность в месяцах или днях, его хронологическая граница задается исключительно событийным наполнением.

Функционально лексема ***год*** в рамках приведенной модели выступает как маркер кризисного или сакрально-насыщенного времени в жизни субъекта. ***Год*** в данном случае приобретает свойства замкнутой онтологической модели, внутри которой действуют свои законы: если ***год*** благодатный, то все удается; если роковой – сыплются несчастья; если голодный – даже профессия краснодеревщика не спасает. Помимо этого, единица ***год*** может характеризовать временной интервал как окончательный итог. Во всех примерах ***год*** оценивается постфактум, и оценка эта не поддается изменениям (т.е. нельзя исправить плохой ***год***), а является конститутивной – она окончательно закрепляет за данным периодом определенный ярлык или определенную характеристику.

Стоит отметить, что все контексты разделяются на два противоположных полюса без нейтральной зоны. Положительный полюс: *благодатный **год**, хороший **год**, удачный **год**, **год** счастья, **год** любви* и др. Отрицательный полюс: *роковой **год**, ужасный **год**, черный **год**, плохой **год*** и др. Промежуточные, амбивалентные или компромиссные определения отсутствуют полностью. Поляризация в данной группе абсолютна и функционально необходима для функционирования дисторсийной модели. Без оппозиции «хороший – плохой» ***год*** перестает номинировать момент испытываемых субъектом чувств и начинает функционировать как нейтральная календарная единица.

Таким образом, анализ материала показывает, что лексема ***год*** в рамках рассматриваемой группы выполняет функцию эмоционального и оценочного маркера времени. Она отсылает не к астрономическому времени и его продолжительности, а к событийно-оценочному фону.

Ведущими языковыми средствами выражения значения «период испытываемых чувств / эмоциональной событийности» в приведенных и аналогичных контекстах являются: **адъективы** *благодатный, роковой, ужасный, черный, плохой, страшный, голодный, трудный, тяжелый, сложный, хороший, удачный, счастливый, лучший,* выражающие эмоциональную оценку времени (положительную или отрицательную); **субстантивы** *страдания, скитания, одиночество, любовь, счастье* и др. выражающие эмоциональную и событийную наполненность временного интервала (также составляющие два полюса); **единица *жизнь***, номинирующая важность периода для субъекта, особую эмоциональную значимость: *самый счастливый **год** в ее жизни*, *лучший **год** ее жизни* и др. В контекстах подобного типа репрезентируется событие или период, квалифицируемый как лучший / худший в жизни субъекта.

Рассмотрим следующую группу контекстов, в которых лексема ***год*** номинирует события находящиеся на грани свершения. Примеры:

XIX в.: *Еще **год**, и у нее ничего не останется, или останется доход в каких-нибудь триста рублей* [П.Д. Боборыкин. Труп (1892)]; *А потом наступит и еще **год**, и опять придется задумываться, опять рассчитывать…* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887–1889)]; XX в.: *Но еще **год** – и я ее приму* [Василий Шукшин. Залетный (1969–1970)]; *Но я подумала: еще **год** – и я стану врачом*! [В.А. Каверин. Открытая книга (1949–1956)]; XXI в.: *Да, дольше ждать нельзя, еще **год** – и он может заговорить басом или начнет бриться* [Тамара Орлова. Ловушка для ящериц // «Октябрь», 2003]; *Отсидит **год** – и будет потом спокойно жить в Голландии со справкой, куда впишут то, что он им на уши навешает* [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)].

Анализ приведенных и аналогичных примеров показал, что в фактическом материале XIX в. время работает против субъекта, ***год*** очень часто несет за собой утрату или потерю, событие на грани которого находится герой почти всегда не предвещает ничего хорошего. В фактическом материале XX в. ***год*** выступает как порог, который отделяет от достижения, а не от потери, смысловой центр смещается с конечности благ на преодоление ожидания. В материале XXI в. ***год*** номинирует констатацию автоматизма времени, фиксирует рутинную неизбежность физиологических или бюрократических перемен.

В эту группу мы включили контексты, актуализирующие временной период как действие, которое должно свершиться или свершится с большой долей вероятности, по мнению (или внутренним ощущениям) субъекта. Единица ***год*** отделяет настоящее состояние от неизбежного наступления события. Несмотря на свою ощутимую продолжительность, единица ***год*** выступает как точка напряжения, которая разделяет события на «до» и «после». Можно сказать, что в данном случае также происходит сжатие времени, длительность года в масштабе предполагаемых событий слишком незначительна и мала. Предполагается, что потенциальные перемены затронут более продолжительный период времени чем ***год***, поэтому создается ощущение, что события произойдут уже очень скоро и их наступление начинает ощущаться в данную минуту. При этом шанс наступления событий может быть как высоким и практически гарантированным, так и гипотетическим и маловероятным.

В качестве ведущих языковых средств используются конструкции «еще ***год*** и…» или «***год*** и…» + глагол, выражающий действие, которое должно произойти, либо возможно произошло бы (часто в сослагательном наклонении): ***год** и, я стану врачом, я ее приму, и он может заговорить басом или начнет бриться, и у нее ничего не останется* и т.п., причем союз *и* усиливает эмоциональное напряжение, выступая своего рода границей между настоящим и потенциальным будущим.

Выводы

Проведенный анализ фактического материала из Национального корпуса русского языка (подкорпус художественная литература) позволяет сделать вывод о том, что единица ***год*** в функционально-семантическом отношении обозначает не только астрономическую и календарную величину, но и приобретает свойства оценочного и эмоционально-событийного маркера. Единица ***год*** способна трансформироваться в языке от употребления ее в качестве единицы, выражающей значение «единица счета времени, равная промежутку 365 (366) дней», до

ее употребления в качестве субъективно оцениваемого темпорального интервала, указывающего на субъективное восприятие протяженности времени. Ключевым механизмом данной трансформации выступает феномен дисторсии времени.

Диахронная динамика, выявленная на основе анализа контекстов трех временных срезов, показывает высокую степень изменчивости содержательного и семантического наполнения обеих моделей. В XIX в. единица ***год*** преимущественно связана с судьбой человека, ее неизбежностью и нравственным выбором. В XX в. контексты преимущественно транслируют социальную маркировку и коллективный травматический опыт. В XXI в. контексты с единицей ***год*** тяготеют к бытовой и психологической семантике.

Таким образом, анализ лексемы ***год*** демонстрирует способность темпоральных единиц, напрямую связанных с жизнедеятельностью человека, к семантическому сдвигу от объективного количественного к субъективному качественному показателю.

Литература

1. *Алдиева М.Ш.* Концепт «Время» в языковой картине мира // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 57–64.
2. *Гайденко П.П.* Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении // Вопросы философии. 1969. № 9. С. 88–98.
3. *Милованова М.В.* Лингвокультурологические характеристики категории посессивности в русском и немецком языках // Научная школа профессора Н.Л. Шамне «Социокультурные категории в языке и речи» / Под общ. ред. Н.Л. Шамне. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2025. С. 37–65.
4. Национальный корпус русского языка. – URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 03.10.2024).
5. *Пронина Е.Н.* Философия: Учебник. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2011. 612 с.
6. *Шейко Е.В., Ломшакова В.В.* Категория времени и способы ее выражения в романе П. Крусанова «Укус ангела» // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 240–249.
7. *Элькин Д.Г.* Восприятие времени. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. 312 с.

References

1. *Aldieva M.S.* The concept of "Time" in the linguistic picture of the world // Humanities and social Sciences. 2020. No. 5. P. 57-64.
2. *Gaidenko P.P.* The theme of fate and the concept of time in the ancient Greek worldview // Questions of philosophy. 1969. No. 9. P. 88-98.
3. *Milovanova M.V.* Linguistic and cultural characteristics of the category of possessiveness in Russian and German languages // Scientific school of Professor N.L. Shamne “Sociocultural categories in language and speech” / Under the general editorship of N.L. Shamne. Volgograd: Volga Publishing House, 2025. P. 37-65.
4. The national corpus of the Russian language. – URL: http://www.ruscorpora.ru (accessed 03.10.2024).
5. *Pronina E.N.* Philosophy: Textbook. M.: MGUP named after Ivan Fedorov, 2011. 612 p.
6. *Sheiko E.V., Lomshakova V.V.* The category of time and the ways of its expression in P. Krusanov's novel "Angel Bite" // Humanities and Social Sciences. 2019. No. 2. P. 240-249.
7. *Elkin D.G.* Perception of time. M.: Publishing House of the APN RSFSR, 1962. 312 p.

Статья поступила в редакцию 04.05.2026; одобрена после рецензирования 17.05.2026; принята к публикации 19.05.2026_.
The article was submitted 04.05.2026; approved after reviewing 17.05.2026; accepted for publication 19.05.2026.